

ИШАЙ САРИД

МОНСТР

ПАМЯТИ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ВСЕМ НАМ:

НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛИТЬ ПРОШЛОМУ ПОГЛОТИТЬ НАСТОЯЩЕЕ.

The New York Times Book Review

Ишай Сарид

Монстр памяти

epub

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66622518

Синдбад; 2021

ISBN 978-5-00131-373-1

Аннотация

Молодого израильского историка Мемориальный комплекс Яд Вашем командирует в Польшу – сопровождать в качестве гида делегации чиновников, группы школьников, студентов, солдат в бывших лагерях смерти Аушвиц, Треблинка, Собибор, Майданек...

Он тщательно готовил себя к этой работе. Знал, что главное для человека на его месте – не позволить ужасам прошлого вторгнуться в твою жизнь. Был уверен, что справится. Но переоценил свои силы...

В этой книге Ишай Сарид бросает читателю вызов, предлагая задуматься над тем, чем мы обычно предпочитаем себя не тревожить.

Содержание

Отзывы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ишай Сарид

Монстр памяти

Yishai Sarid

Mifletzet Ha-Zikaron

THE MEMORY MONSTER

Copyright © Yishai Sarid, 2017

Published in the Russian language by arrangement with The
Institute for the Translation of Hebrew Literature and Andrew
Nurnberg Literary Agency

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Перевод с иврита Галины Сегаль

Korpus Prava

Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-
ческая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. Издательство «Синдбад», 2021.

* * *

ОТЗЫВЫ

Предостережение всем нам: нельзя позволить прошлому поглотить настоящее.

The New York Times Book Review

Чтение этой смелой, сильной, жесткой книги — опыт болезненный и мучительный. Но абсолютно необходимый. Особенно сегодня.

Yedioth Ahronoth

Ишай Сарид прав: сегодня убежденность в том, что наша культурная память может сдерживать ненависть и фанатизм, кажется более сомнительной, чем когда либо.

Liberation

Эта бескомпромиссная книга оглушает.

Le Temps

Возможно, это самая важная книга о Холокосте и памяти о Холокосте, написанная за последние десять лет.

Билл Нивен, член Британской ассоциации изучения Холокоста

Пожалуй, самая значительная книга о морали и жертвенности. Вместе с Примо Леви и Ханной Арендт

Ишай Сарид составляет «святую троицу».

Навим Барель

Автор открывает читателю неприятную правду, зачастую скрытую за слишком обнадеживающим восприятием человечества, и говорит о том, что изучение ужасов Холокоста не делает этот мир лучше. А «никогда больше» чаще всего означает «никогда больше... для нас».

Митчелл Абидор, Jewish Currents

Автор движется за героем по спирали нервного срыва, попутно исследуя память и связанные с ней риски – и критикуя то, как Израиль использует Холокост, чтобы сформировать национальную идентичность...

Publishers Weekly

Роман представляет собой оригинальную вариацию на одну из важнейших тем литературы после Холокоста: в то время как бесчисленные писатели задавались вопросом, можно ли найти человечность в глубоко бесчеловечном, Сарид наглядно показывает, как озабоченность и одержимость бесчеловечным может сказаться на собственной человечности. Если это не обвинение в увековечивании Холокоста, то определенно глубокое и безкомпромиссное изучение его многослойной политики. В конечном счете, Сарид и отказывается извиняться за еврейский гнев, и осуждает гнусные формы, которые он иногда принимает.

Смелое, мастерское исследование банальности зла и природы места.

Kirkus Review

Уважаемый председатель директората мемориального комплекса Яд Вашем, посылаю вам отчет о случившемся.

Мне сообщили, что вы его ждете, и я сам искренне желаю его предоставить, учитывая то доверие, которое вы мне оказали.

Вначале я попытался отделить отчет от самого себя, выполнить его в строгой научной манере, не примешивая ничего, что имело бы отношение к моей личности или истории моей жизни – ничем не примечательной. Однако, написав несколько строк, я понял, что это невозможно, что я и есть тот сосуд, в котором обитает история. Если трещины мои разойдутся и я распадусь на части, эта история исчезнет вместе со мной.

Я всегда относился к вам с огромным уважением. Несколько раз участвовал в обсуждениях, которые вы проводили, выполнял важные поручения, в числе которых был и этот последний проект. Мне не забыть проникновенных слов, что вы произнесли на презентации моей книги. Я делал для вас все, что было в моих силах, но не помню, чтобы мы с вами хоть раз побеседовали в неформальной обстановке. Я не жалею. Понимаю, как тяжело бремя, возложенное на ваши плечи. Помню чудесный вид на Иерусалимский лес, открывающийся из окна вашего офиса, запах каменных стен

и дорогую ткань вашего костюма. Я всегда считал себя вашим верным посланником. Вижу перед собой ваше мудрое лицо и обращаюсь к вам как к официальному представителю Памяти.

К изучению холокоста меня привели соображения практические. Закончив службу в армии, пошатавшись, как это принято, в неприкаянности по городам и весям, я поступил в университет, где изучал историю и международные отношения. Мечтал о карьере дипломата. Мне казалось, что за границей жизнь моя станет лучше и веселее. Я, конечно, знал, что престиж дипломатической службы сегодня уже не так высок и что с наступлением цифровой эпохи необходимость в ней изрядно уменьшилась, однако считал это преимуществом. Я воображал, как сижу в легком костюме в кафе какого-нибудь тропического города, коротаю дни в изящной праздности, получая от государства скромное, но вполне приличное жалованье. Я не стремился стать лучшим из лучших, не хотел, чтобы в мою честь называли улицы и площади. Мне нравилось читать книги о великих людях и грандиозных событиях прошлого. Они успокаивали меня, потому что все в них уже свершилось окончательно и бесповоротно. Художественная литература меня тревожила – в ней все зависело от причуд автора.

На втором году учебы я пошел сдавать экзамены в Министерство иностранных дел. Мне тогда было двадцать четыре,

и я легко справился с письменной работой и прошел первый тур. Во втором туре, который состоялся несколько недель спустя, экзаменаторы разбили нас на группы, дали разные задания, включавшие всякие хитроумные игры, а потом стали вызывать поодиночке на собеседование. Чем дольше все это тянулось, тем яснее становилось, что дела мои плохи. Я даже не стал ждать письма из министерства – и так было понятно: это провал.

Какое-то время я хотел махнуть на все рукой и отправиться куда-нибудь на Восток – скажем, в Таиланд. Все равно моя мечта от меня ускользнула. Но экономические и семейные обстоятельства (заболел отец) меня остановили. Распрощавшись с надеждами на дипломатическую карьеру, я оставил изучение международных отношений – сами по себе они меня не интересовали – и сосредоточился на истории.

Мне нравилось заниматься историей – писать статьи, проводить исследования, часами сидеть в библиотеке над старыми документами, делать перерыв на кофе и возвращаться к работе. Я шел по жизни неспешно, с важным видом. Получил степень магистра и вышел из неизвестности, когда моя дипломная работа – написанная в рамках курса, который вел сам декан, – была удостоена многочисленных похвал. Декан взял меня под крыло и предложил стать ассистентом на кафедре. Я гордился своим новым положением. Декан обсуждал со мной разные варианты будущего, говорил об учебе за границей, и я уже видел, как сижу у камина в Оксфорде или

Бостоне, старея с достоинством, и больше не жалел о том, что с Министерством иностранных дел ничего не вышло.

История Нового времени меня страшила; она казалась оглушительно ревущим бешеным водопадом. А я жаждал тихой, спокойной жизни, что вращалась бы вокруг древних времен, чья история открыта всем, но надежно запечатана временем и ни в ком не способна пробудить сколь-нибудь сильных чувств. Я подумывал заняться Дальним Востоком, но для этого требовалось выучить китайский или японский, а к языкам у меня особого таланта нет. От скитаний и бедствий собственного народа хотелось уйти как можно дальше. Я с самого начала чувствовал, что здесь меня подстерегает опасность. Но потом я встретил Руфь, дело стало двигаться к свадьбе, и пришлось спуститься с неба на землю. Хорошенько все обдумав, я понял: хоть на первый взгляд передо мной распахнулась необъятная сокровищница человеческой истории, запустить руки я мог лишь в пару-тройку сундуков. Вакансии в университетах освобождались редко, и их тут же расхватывали старшие преподаватели, а новые ставки открывались только для внештатных сотрудников: не работа, а подработка, с зарплатой, которой еле-еле хватало на хлеб.

Однажды декан сообщил мне, что разведывательное управление ищет специалистов по Ирану и готово оплатить кандидату докторантуру по персидской истории. «Но при условии, подчеркнул декан, что после защиты диссертации вы семь лет прослужите в вооруженных силах». И хотя я

понимал, что сидеть мне предстоит в центральном офисе в Тель-Авиве, а не в танке, как во время обязательной службы, сама мысль о том, чтобы снова оказаться в армии, на несколько ночей лишила меня сна, после чего я объявил декану, что в предложении разведывательного управления не заинтересован. Тем более что такая специализация, опять же, потребовала бы изучения сложного иностранного языка. Декан все понял и сказал: если так, остается только один реальный вариант продолжить карьеру историка в Израиле – написать диссертацию по Холокосту.

Я ужаснулся – ведь я мечтал плыть по жизни, как по тихому безмятежному озеру. Сделал несколько тщетных попыток избежать грозящей мне участи. Одна из них почти увенчалась успехом: хороший австралийский университет в городе Перт готов был принять меня в докторантуру по истории средневековой Европы, оплатить жилье и предоставить должность преподавателя. Но Руфь была не в восторге от перспективы перебраться в Австралию, а дату свадьбы мы уже назначили. Отправься мы в страну солнечных пляжей, где пиво подают с четырех часов пополудни, возможно, нас ждала бы иная судьба.

Но я сдался.

Отправился к декану и сказал, что готов впрячься в колесницу Памяти. Стоило мне это сделать, как жизнь заиграла новыми красками. Мне назначили небольшую стипендию – пожертвование еврейской семьи из Америки, – достаточ-

ную для обеспечения нашего скромного быта. Я начал изучать немецкий и через несколько месяцев уже мог читать документы СС. Выше среднего уровня владения языком я так и не поднялся – Гейне и Гёте были мне не по зубам. Но я жадно глотал книги и другие материалы, какие только мог достать. В этом я силен – умею в сжатые сроки переваривать огромные объемы письменной информации. Больше всего меня интересовали технические подробности массового истребления: механика, люди, занятые в процессе, порядок осуществления процедуры. Я копал все глубже и глубже, пока тема диссертации не выкристаллизовалась и не получила одобрение руководителя. Я был на правильном пути.

«Сходства и различия в методике работы немецких лагерей смерти в годы Второй мировой войны» – так называлась моя докторская. Я сравнил и проанализировал процессы уничтожения в каждом из концлагерей – Хелмно, Белжеце, Треблинке, Собиборе, Майданеке и Аушвице (естественно, последние два отличались тем, что были одновременно и трудовыми лагерями, в то время как первые использовались только для истребления). Я внимательно изучил, как именно все происходило в каждом отдельном лагере, начиная с момента высадки заключенных из поездов: как они раздевались, кто и как собирал их одежду и багаж, какую роль придумывали немцы, чтобы успокоить свои жертвы, как их потом стригли и брили, как вели к газовым камерам; я изучил устройство камер, узнал, где какой использовался газ,

вник в принципы группировки людей внутри камер и в собственно процесс умерщвления; я узнал, каким образом выдергивали золотые зубы и искали ценности во всех отверстиях тела, как именно утилизировали трупы, как распределяли на тех или иных участках рабочую силу – и так далее. Я искал сходства и различия. Разумеется, каждая стадия, в свою очередь, состояла из бесчисленных подстадий со всевозможными особенностями и вариациями. Я прочел сотни книг и свидетельств о жизни и смерти в концлагерях – а может быть, и тысячи. Старательно изучал рабочие документы, проясняя непонятные детали. Информации было в избытке, и я уверенно сквозь нее пробирался. Структурные схемы стремительно разрастались, но я держал их под контролем. Сначала я тщательно систематизировал факты – Руфь помогла мне, создав специальные файлы, – а затем занялся научным вопросом: чем объясняется такое разнообразие в методах работы концлагерей, почему наблюдаются столь удивительные отклонения от абсолютного единообразия, каковое можно было бы ожидать, учитывая организацию и характер рассматриваемого процесса?

Одновременно я ради подработки начал водить посетителей по Яд Вашем. Вы возглавляли комитет, который принял меня на должность гида. Помню вашу статную фигуру и благоговейный страх, который она пробудила во мне. Вы спросили, почему я хочу водить экскурсии и осознаю ли, со сколь серьезными эмоциональными нагрузками сопряжена такая

работа. Я ответил полуправдой, сказал, что для историка это замечательная возможность применить свои знания на практике и поделиться ими с людьми. Я не стал упоминать, что моя жена беременна и я – единственный кормилец растущей семьи. Сказал, что активно работаю над докторской диссертацией и собрал массу подробных сведений о технике уничтожения людей в лагерях смерти. В резюме упомянул, что во время армейской службы вел в школе бронетанковых войск курс артиллерийской подготовки, а потом, в университете, работал ассистентом декана исторического факультета. Вы попросили меня выступить перед комитетом, как перед школьниками, и кратко рассказать о восстании в Варшавском гетто. Похоже, я произвел хорошее впечатление, потому что уже на следующий день мне сообщили, что я принят.

Я не придал особого значения вашим словам о психологической нагрузке, поскольку никогда раньше не страдал от серьезных эмоциональных потрясений и считал, что я к ним не восприимчив. Я сразу же бросился в работу с азартом молодого бычка – водил школьные экскурсии по музею и Саду праведников народов мира, а также вел занятия в Международной школе изучения Холокоста. Я щедро рассыпал перед детьми накопленные знания. У меня был к этому талант. Я стремился не заваливать слушателей бесконечными деталями, а давать им четкую и ясную общую картину с несколькими планами. Попытайся я удержать все сюжетные линии, дети бы вконец запутались. После одной из первых моих

экскурсий дети сказали, что только благодаря мне осознали невероятный масштаб трагедии Холокоста.

Я отдавал работе всего себя без остатка, тщательно готовился к экскурсиям. Ни разу не позволил себе схалтурить. Я исходил из того, что дети не знают ничего, и моя почетная обязанность – вложить в них Память. Я рассказывал об истоках антисемитизма – как древнего, так и современного, о приходе нацистов к власти, немного о биографии Гитлера и его первых приспешников, о начале войны, о лишении евреев прав, о гетто, депортациях, массовом истреблении.

Иногда мне в душу западало интересное лицо каких-нибудь девочки или мальчика или точно сформулированный вопрос, но обычно школьники приходили и уходили, не вызывая во мне особых чувств. Я помню, как вы без предупреждения пришли послушать мою лекцию для учащихся старших классов то ли из Реховота, то ли из Гедеры, сели сзади, жестом велели продолжать, и мне захотелось произвести на вас впечатление. На экране был план Трешлики, и я легко и без запинки пробежался по маршруту, закончив ямами, где сжигали трупы. Через несколько минут вы кивнули мне и ушли. Позже заведующая школой сказала, что вы были впечатлены моими знаниями, однако посчитали, что следовало проявить больше эмпатии и сочувствия к жертвам. *«Я историк, а не социальный работник»*, – подумал я, но пообещал, что все учту и исправлюсь.

В Польшу я впервые приехал во время работы над дис-

сертацией, чтобы увидеть места, о которых прочел десятки тысяч страниц. Мой научный руководитель, заведующий кафедрой истории Холокоста, должен был поехать со мной. В Польше у него были обширные связи. Однако накануне отъезда у руководителя прихватило спину, – так что я отправился один. В аэропорту взял напрокат машину и две недели ездил из концлагеря в концлагерь, жадно осматривая их, без устали делая фотографии и зарисовки. Поездка расставила все по местам. Я осознал увиденное, и это осознание привело меня чуть ли не в интеллектуальный экстаз. Путешествие принесло моей диссертации огромную пользу.

Через несколько месяцев я вернулся в Польшу, чтобы пройти курсы гидов-сопровождающих, и, увидев знакомые места, почувствовал себя почти как дома. Получив лицензию, я начал принимать заказы – и приезжать в Польшу все чаще и чаще. За каждый тур я получал несколько тысяч шекелей и наконец-то смог прилично обеспечивать нашу маленькую семью – Руфь и сына Идо.

Прошло совсем немного времени, и в горячие сезоны школьных поездок я уже покидал дом на месяц, а то и больше – как только заканчивалась одна, тут же начиналась следующая. Руфь и малыши привыкли. Да у нас и выбора-то особо не было. Не знаю, приходилось ли вам когда-либо сопровождать старшеклассников, лететь с ними ночным рейсом, по семь-восемь дней колесить с ними в автобусе, стоять перед ними и снова и снова объяснять, что случилось здесь,

в этих лесах, в этих гетто, в концлагерях; пробовали ли вы пробиться сквозь равнодушные их лиц, найти лазейку в их залитый светом айфонов мозг. Не знаю, пытались ли вы объяснить им, что такое смерть, сообщали ли им данные и факты, цифры и имена; а они – шагали ли они следом за вами, завернувшись в израильские флаги, пели гимн Израиля у газовых камер, произносили кадиш на грудах праха, зажигали свечи в память о детях, погребенных в ямах, совершали всевозможные ритуалы, которые сами и изобрели, пытались ли выжать из глаз хоть одну слезу? Я часто задавался вопросом, испытали ли все это сами вы?

Экскурсия всегда начинается с кладбища в Варшаве. Господин председатель, уверяю вас, лучше бы от этого отказаться. Никто из детей не знает, кто такой Ицхок-Лейбуш Перец и почему в его честь воздвигнут столь величественный памятник. Полагаю, когда-то он был знаменитым писателем, но я не встречал никого, кто прочел бы хоть одну его книгу. Дети ничегошеньки не знают ни об эсперанто, ни о его создателе Заменгофе. И правильно не знают, ведь затея с эсперанто – пшик. Мы стараемся приобщить их к высокой культуре, но правда в том, что польские евреи не строили соборов и не писали симфоний. Большинство из них были мелкими торговцами, простыми людьми, которые ели селедку, слушали музыкантов-клезмеров и жили в лачугах. Под конец среди самых смуглых выходцев с Востока, тех, что убили Иисуса, стали появляться врачи и юристы. Ребята бродят

среди надгробий, уставшие от ночного перелета, не зная, пора уже завернуться в израильский флаг или еще рано, машинально повторяют «Аминь» в ответ на молитву, произносимую учителем перед каждой важной могилой, им холодно, и единственное, чего им хочется, – добраться до гостиницы и хоть немного почувствовать себя за границей.

После кладбища мы возем их на автобусе в бывший еврейский квартал – на Умшлагплац, где был особый перевалочный пункт в гетто, а потом в Бункер повстанцев на улице Мила, 18. «Они были лишь немного старше вас, – объясняю я. – У них почти не было оружия, только коктейли Молотова да несколько ручных гранат и пистолетов. С этим бедным арсеналом они почти месяц противостояли немецкой военной бригаде».

Я стоял перед ними и пытался живописать им страдания и героизм, я придерживался всех ваших инструкций, не отклонялся ни вправо, ни влево. Я был паинькой, изо всех сил старался достучаться до них сквозь джинсы и легинсы, кудряшки, хвостики и тяжелые пальто, плоские остроты, равнодушные взгляды и айфоны. Проникнуть в их головы и в их сердца. По-настоящему мне ни разу это не удалось, потому что я недостаточно их любил. Теперь я это понимаю.

Ночи в гостиницах – кошмарный сон учителей, это извечный страх, что на следующий день газеты запестреют заголовками, сообщающими, что израильские школьники совсем распоясались в Польше, устроили погром в номерах,

напились и вызвали проституток. Чтобы избежать подобного, учителя патрулируют коридоры, подслушивают у дверей номеров, грозят подросткам жуткими карами, запрещают покидать гостиницу, а наутро ходят с красными от недосыпа глазами. Но обычно ничего ужасного не происходит. Дети слоняются по фойе гостиницы, заказывают в номер максимум кока-колу, принимают душ, расходуя гостиничные шампуни и мыло, бренчат на гитарах грустные песни, а после отбоя ложатся баиньки. Иногда, конечно, попадаются неуправляемые ребяташки, которые в общем-то уже и не ребяташки, а юная шпана: из их переносных колонок грохочут средиземноморские хиты – страшная месть гоям и ашкеназам, они заказывают обслуживание в номера и потом не платят, оставляют после себя дикий бардак – с такими точно жди беды!

Учителя кричат «караул», и я бегу на помощь, хоть это и не входит в мои обязанности. Я провожу беседу с этими дикарями – разговаривать с ними я умею, ублажаю администратора гостиницы, договариваюсь о терпимой компенсации ущерба, успокаиваю перепуганных родителей. Слабый сигнальчик в мозгу предупреждает меня, что эти психи способны на убийство, при этом слушаться приказов толком не умеют. Они могут ими пренебречь, улизнуть от них, схитрить, пронести в номер водку, поднять гвалт посреди ночи, но, возможно, в решающий час они своего соседа не предадут, даже если им прикажут; в отличие от правильных деток,

которые тут же подчинятся, потому что для них закон есть закон.

На второй день мы обычно отправляемся в Майданек – долгий путь на восток, маршрут, по которому двигались танки Круппов, чтобы занять жизненное пространство для немецкого народа. По всему горизонту тянутся поля, засаженные капустой и репой. Что такое танк, я знаю, и мне знакомо великолепное ощущение езды без сопротивления, без торможений, без остановок, в чреве стремительного железного зверя, где ты – часть его тела. По дороге мы дважды останавливаемся на заправочных станциях, покупаем еду и напитки, иначе детки начинают психовать.

Как известно, немцы не успели уничтожить этот концлагерь до прибытия русских, и он стоит целехонький в окрестностях Люблина, у шоссе, открытый взорам. В Майданеке видишь сразу все. Две маленькие газовые камеры расположены прямо у ворот, справа. Одну наполняли угарным газом из двигателя танка, другую – циклоном Б из банок. Там погибло от ста до двухсот тысяч человек, точное число неизвестно. По сравнению с другими концлагерями это немного, зато все на виду, вся процедура; есть также крематорий на холме, целенький, оборудованный внутри дома дымовой трубой, немецкими печами в хорошем состоянии, а рядом с ним – рвы, в которых умерли двадцать тысяч евреев, расстрелянных за один день во время операции «Эрнтефест», он же «Праздник урожая». Почему-то именно в Майданеке,

пока мы шли несколько сот метров от газовых камер до крематориев и кургана из праха заключенных, я слышал, как, завернувшись во флаги, они шепчут: «*Вот как надо с арабами*». Не всегда, не во всех группах, но достаточно часто, чтобы запомнить. Я притворялся, что не замечаю – не мое это дело, пусть их учителя с этим разбираются. Но я слышал эти слова, господин председатель, я не лгу. Когда им показывают простой механизм истребления, который совсем не трудно воссоздать где и когда угодно, они начинают думать, как бы применить его на практике. А ведь они еще дети, и, естественно, им трудно остановиться. Взрослые думают то же самое, но помалкивают. В конце, во время последних экскурсий, я рассказывал все у дверей крематория и не входил туда с ними. Я не хотел слышать, что дети говорят там, внутри.

В Люблине мы также посещали Ешиву мудрецов, где сегодня расположен странный отель, украшенный еврейской символикой. В синагогу можно войти через боковые ворота, заплатив польскому охраннику несколько злотых. Религиозные детишки в вязаных кипах любят молиться именно там. Я стою в стороне и слушаю. Иногда меня увлекает мелодия, порой – та или иная строчка. Потом, в старом городе, у подножия замка я читаю им «Фокусника из Люблина». Почти никто из них не читал Башевиса-Зингера... – и вот я снова очерняю молодежь, но я обещал рассказать правду.

Кроме еврейского наследия, в этом восточном городке ничего толком и нет. Унылое место. Из туристов сюда доби-

раются только помешанные на военной истории. Вот в том здании находился штаб гестапо, на этой вилле жил Одило Глобочник, офицер СС, ответственный за операцию «Рейнхард», сюда, на задний двор, евреев сгоняли на принудительные работы – такие в Люблине достопримечательности. Население унылое и бледное. Черным и арабам въезд в Польшу запрещен, границы для них закрыты, а Израиль помогает полякам держать их на замке, поставляя всякое электронное оборудование. И это успешно работает – на улицах видишь только раздражающе одинаковые белые лица.

Вечерами я сидел в гостиничном баре и пил, иначе не мог заснуть. Порой я был издерган так, будто та самая операция шла полным ходом, и на мне лежали ее планирование, проведение и соблюдение сроков. Болело в груди, дергался глаз. Я никак не мог успокоиться и с нетерпением ждал конца дня, когда можно будет выпить, забившись в самый дальний и неприметный угол бара. Иногда ко мне присоединялся какой-нибудь мятежный учитель, тоже жаждущий уединения. Ведь нужно все время присматривать за детьми, следить, как бы они чего не выкинули, как бы не удрали из гостиницы, все семь дней ты – комок нервов.

Когда ко мне подсаживались учительницы, я ощущал себя плотоядным растением. Каждую хотелось проглотить целиком. Они хотели, чтобы я утешил их после всего, что им пришлось увидеть на экскурсиях, чтобы помог им осознать, как такое могло произойти. После пары бокалов они принима-

лись расспрашивать про мою жизнь, про мою жену. Иногда задушевными разговорами дело не ограничивалось. Между нами вдруг пробежала искра, и оправдание было под рукой – расстроенные чувства, потребность в любви, в тепле.

У самой первой было длинное лицо и грустные еврейские глаза, она хотела, чтобы я лично ей растолковал, почему люди такое сотворили. Она просто не в силах была это понять, да и выпила больше, чем нужно. Я деликатно намекнул, что ее малость заносит. «А и наплевать», – сказала она с пьяной удалью. Нельзя было допустить, чтобы дети увидели учительницу в подобном состоянии, единственный выход – увести ее к себе в номер на другом этаже, чтобы она отдохнула там, пока хмель не выветрится. Она попросилась в душ и вышла оттуда полуголая. Я честно пытался этого избежать, но она проспала со мной до утра. В последующие дни я уже и сам надеялся, что она снова придет, но она протрезвела. О других случаях я сейчас говорить не хочу, это случилось раз или два – неважно. Это было совсем на меня не похоже. Как правило, мне хватало трех рюмок водки, чтобы заснуть в старом гестапо-отеле в Люблине.

В первых поездках ко мне прикрепляли выжившего в Холокосте старика по имени Элиэзер – бодрого, добродушного коротышку. Он любил разговаривать с детьми, отвечать на их вопросы. Умел их увлечь. Элиэзеру было одиннадцать, когда он сбежал из своего городка – вечером, накануне того дня, когда немцы отправили евреев в Белжец. Родители ве-

лели ему спастись одному – братья и сестры были слишком маленькими. Он жил в лесах, пока его не нашли партизаны. Элиэзер чинил им одежду – этому он научился у отца-портного, готовил им еду и иногда даже выходил с ними на дело – выводить из строя железнодорожные пути. Школьники слушали его истории затаив дыхание. Хоть я и замечал в его рассказах разные нестыковки, звучало все правдоподобно, поэтому свои вопросы я оставлял при себе. Да мне и не доводилось слышать от выжившего такой рассказ, чтобы был без сучка без задоринки.

Главным недостатком Элиэзера было то, что он никогда не сидел в концлагере, а почти всю войну провел в лесах. Тем не менее он любил говорить о концлагерях, произносить полные гордости и надежды речи о молодежи, о Государстве Израиль – обо всем, в чем в силу своей биографии ничего не смыслил. Но ребята и учителя любили его, а я не вмешивался. Выживших в лагерях осталось совсем мало, здоровье у них слабое, а Элиэзер был как огурчик. Я сидел рядом с ним в долгих автобусных переездах, он рассказывал о детях, внуках, о процветающей ныне мастерской, которую он создал, когда иммигрировал в Израиль, и вообще о торговых и семейных делах. От его одежды исходил приятный запах старости. Мы отлично сработались. Элиэзер компенсировал мою холодность. У нас с ним установился четкий сценарий: я сообщаю факты, а он придает рассказу душевности. Все шло отлично, пока Элиэзер не упал у себя дома и не сло-

мал шейку бедра. Он поправился, но в поездках больше не участвовал.

Пока Элиэзер лежал в постели, накачанный обезболивающими, я его навестил. В одночасье он растерял все силы – жена кормила его кашей с ложечки. Я довольно быстро ушел и больше не приходил. Найти замену Элиэзеру было очень трудно. Для знакомства с выжившими я использовал базу данных Яд Вашем. Объездил всю страну. Устраивал встречи, пытался убедить подходящих кандидатов присоединиться ко мне. Объяснял, как важно оставить молодым наследие, из уст в уста передать Память, – тщетно. Большинству выживших участвовать в поездках не позволяло здоровье. У некоторых были проблемы с мышлением и памятью – признаки деменции. Другие не хотели возвращаться, боясь посттравматического стресса, и я их понимал. Некоторые, как я подозревал, служили капо или были коллаборационистами и всю жизнь это скрывали. С какой же стати открываться сейчас, на краю могилы?

Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы уломать одного, по имени Йоханан, инженера-строителя на пенсии, жившего на севере, в районе Крайот. Всю жизнь Йоханан упрямо отказывался возвращаться в Польшу, но после смерти жены им овладела тоска по родителям, по убитой сестре и по дому, в котором они жили тогда. Я убедил его к нам присоединиться и пообещал, что мы съездим в его родной городок. Йоханан коротко рассказал, что, когда их взяли, ему бы-

ло пятнадцать, сестре семнадцать, и оба они прошли селекцию. Мать не прошла из-за какого-то кожного заболевания, а отец исчез за несколько месяцев до этого – его забрали на работы. «Я давно уже забыл их лица, – сказал мне Йоханан, – а сейчас они вдруг вернулись, я ясно вижу их перед собой».

Я сдержал обещание. По дороге в Краков мы свернули с главной дороги в его городок, каких тысячи в Польше и десятки тысяч в Европе. Автобус остановился на главной площади, напротив церкви и лавок мясника и пекаря. Я рассказал детям то, что нашел в документах, – эту церковь в урожайные времена построил на собственные средства аристократ-землевладелец. И он же осудил пятерых евреев за то, что те якобы примешивали к маце кровь христианских младенцев. Приговор был приведен в исполнение с помощью двух волов – осужденных привязали к ним и разорвали на части. И все же евреи продолжали здесь жить. Их презирали, ими помыкали, но они были частью окружающей среды.

Йоханан указал на дальний угол площади, где когда-то была синагога. Мы обнаружили, что сейчас там филиал банка. Мы зашли, и я показал детям место, где раньше находился ковчег со свитками Торы. Операционистка рассердилась и начала что-то нам выговаривать по-польски. Один из мальчишек сгоряча ей нагрубил, запахло скандалом. Заведующий филиалом вышел из своего кабинета, замахал руками, призывая всех успокоиться. Я объяснил ему по-английски, что Йоханан когда-то жил в этом городке, а здесь была си-

нагога. Заведующий хмыкнул и пробормотал: «Добро пожаловать, добро пожаловать», но во всей его фигуре явно читалось: проваливайте!

Йоханан повел нас к своему дому. Было видно, как он ищет приметы в очертаниях старых деревьев, во дворах. Он чуть не споткнулся на разбитом тротуаре, потом свернул на заброшенную улицу, остановился перед маленьким домиком и сказал: «Вот здесь. Здесь мы жили».

Мы заглянули в окно – темень и запустение. Постучали в дверь – никто не ответил. Одна из учительниц заплакала. Дети стояли вокруг Йоханана, и он рассказывал им о своей семье, о сестре и о родителях, задыхаясь от слез, сам не свой от горя. Дети окружили его и утешали, учительницы обнимали его, все было невероятно трогательно.

Когда мы вернулись на церковную площадь, несколько поляков на нас уставились. И заведующий банком тоже вышел на улицу. Туристы до этого городка обычно не добираются, и евреев здесь, конечно же, не видели со времен войны. Один из зевак – от него разило водкой – подошел к нам и заговорил. Поди поспорь с алкашом о тысячелетней истории. Я дал ему несколько злотых, пусть не думает, что евреи жмоты, и он помахал купюрами перед остальными. Мы оттуда убрались.

Мой долг перед Йохананом был выполнен, и на следующий день мы поехали в Аушвиц. Тут даже самых безбашенных подростков охватил священный страх. Бренд делает

свое дело. Йоханан был без сил, я видел, что ему трудно идти, и лицо у него стало каким-то пустым. История его жизни должна была наполнить смыслом все те предметы и заброшенные строения, которые нам предстояло сегодня увидеть, и я надеялся, что Йоханан справится. Сначала мы, как принято, осмотрели первый концлагерь – Аушвиц I. Школьникам было трудно понять, что это за место. Здесь стояли не деревянные бараки, какие они видели на фотографиях, а аккуратные каменные здания, первоначально служившие казармами польской армии. Только внутри можно было увидеть камеры пыток, горы волос и протезов, подлинную газовую камеру и крематорий. Йоханан смущенно сказал мне, что никогда здесь не был, это не похоже на то, что он помнит. Я ответил, что он и правда был не здесь, а в Биркенау. Двое школьников хотели поддержать его под руки, но Йоханан пожелал идти сам, опираясь на трость.

Оттуда мы прошли к автобусу и за пару минут добрались до Биркенау. Именно здесь концлагерь являет свою суть – электрические заграждения, бараки, железнодорожные пути, ворота; вот оно, все настоящее, вы можете этого коснуться, дотронуться до места, где истребляли род людской. Я увидел, что руки у Йоханана дрожат, губы что-то беззвучно бормочут, и понял, что совершил ошибку. Я не должен был его сюда привозить. Воспоминания оказались слишком сильны. Дети завернулись в свои флаги и стали фотографировать ворота и проходящие сквозь них рельсы. Я привел

группу к грузовому вагону, у которого всегда начинаю свою лекцию. Здесь производилась селекция: направо – те, кого отобрали для немедленного истребления, в среднем семьдесят пять процентов от каждого транспорта, налево – признанные годными для уничтожения через каторжный труд. Их отводили в бараки, раздевали, наголо брили, набивали им номер.

– Я вижу огонь, – сказал Йоханан, глядя вперед, вдаль, в конец дороги.

– Расскажите им! – попросил я.

Дети окружили нас, замерли в ожидании.

– Маму они забрали туда сразу, – сказал он, дрожа. – У нее выступила красная сыпь на коже, потому что у нас не было воды, чтобы помыться. Когда мы увидели дым из трубы, сразу поняли, что это мама. Ничего не надо было объяснять. Нас они забрали туда, – он показал на бараки за путями. – Сперва мою сестру, потом меня. Я видел ее издалека, она была выше меня. Вот и все. Что я там делал в этих бараках, в нужниках, в карьере, спросите вы? Какая разница? Кого это заботит? Я знал, почему не хочу туда. Пусть разожгут огонь, и я в него прыгну. Ребята, я не сделал ничего, что давало бы мне право жить, пусть не рассказывают вам всякий вздор. Это больно, это слишком больно!

Не было смысла вытягивать из него что-то еще. Свою жертву чудовищу Памяти он принес.

Я тут же закончил экскурсию, мы не пошли ни в бараки,

ни к руинам газовых камер. Потому что его мать и его сестра как будто в тот самый момент задыхались, корчились в муках, синели, мочились и испражнялись под себя. Может быть, у них были месячные. Может быть, зондеркоманда выволакивала их наружу, искала драгоценности у них во рту и между ног. Это происходило прямо сейчас, – оставаться там было невозможно.

Группа возмутилась. Директор школы пришел меня уговаривать, предложил, чтобы кто-то проводил Йоханана к воротам, посидел с ним в автобусе, а мы продолжили бы экскурсию. Дети подняли шум, затопали от разочарования ногами, на девочках были сапожки, на парнях – неуклюжие кроссовки. Но мое решение было бесповоротным. Я привез его сюда, и я его отсюда вызволю. Он не останется в Аушвице ни минуты.

Мы вернулись в Краков. В гостинице прикрепленный к группе врач осмотрел Йоханана и дал ему успокоительное – старик все еще был очень взволнован. Я договорился с турагентством, чтобы Йоханана отправили первым утренним рейсом из Кракова в Варшаву, а оттуда в Израиль. Не волнуйтесь, дети ничего не потеряли, на следующий день мы вернулись в Биркенау и завершили экскурсию.

– Ненависть, – пытался я им объяснить, стоя между нарами музейного барака, – злоба и экономия. Экономия, злоба и ненависть – вот что тут было.

Впервые я осмелился отклониться от вашего обычного сценария, по которому работают все гиды, и мой голос дрожал.

– Здесь исчезла иллюзия, именуемая человеком. Посмотрите на себя, на ваших друзей, что вы есть? Мясные туши. Вам приходилось варить говядину? Тогда вы видели сухожилия и кровеносные сосуды, ткани. А рыбу вы когда-нибудь жарили? Вытаскивали из нее кишки, видели ее мертвые глаза? Это вы и есть. И если кроме кишок внутри вас имеется что-то еще, так это похоть и мерзкие побуждения, черви с амбициями. Но из соображений экономии следует воспользоваться животной энергией, которая в вас осталась. Вы не закаленные африканцы, привыкшие к тяжелому труду, и поэтому ваше уничтожение будет быстрым, позорным, нелепым. Ваше существование ранит землю. Ваша внешность, ваши хитрые разговоры – оскорбление человечеству.

Они смотрели на меня перепуганно. На чьей я стороне? Что за жуть я несу? Мне необходимо было их шокировать. Я больше не мог выдавливать из себя все эти гладкие скорбные, беззлобные объяснения. В продолжение маршрута мы остановились у руин первой и второй газовых камер, примерно в километре от железнодорожной насыпи.

– Они шли сюда пешком, тяжелые чемоданы оставляли у вагонов, семьдесят пять – восемьдесят процентов людей в каждом транспорте уничтожались сразу же по прибытии. Вы должны это понять, история тех, кто остался в живых, – это

просто сноски. Подлинная история – это история немедленно убитых, тех, которые не были нигде отмечены, не были зарегистрированы, которым не набили на руку номер, которых погнали напрямиком в газовые камеры.

Я встал напротив них над подземной раздевалкой, крыша с которой была снята, удалена, как корка с раны, а под ней – гниль. Перпендикулярно раздевалке расположена газовая камера, гигантский прямоугольник. Там все по-прежнему вопиет, эти прямоугольники кричат нам. *Как вы не видите?* Вот мама, вот дедушка, вот мальчик: они спускаются вниз по этой лестнице; здесь были вешалки, и скамейки, и указатели, ведущие к душевым. Их сопровождали зондеркомандовцы, обещая после мытья пирожок и горячее питье. Время от времени немцы лупили кого-нибудь дубинками, но изредка, чтобы не вспыхнул бунт, который осложнит операцию, потребует серьезного вмешательства. Дело застопорится, прольется кровь. Я не мог это прокричать, лишь выкладывал перед ними факты, спокойно, сдерживая боль.

Иногда, если погода позволяла, мы шли дальше, к построенным позже газовым камерам, в 1944 году, чтобы справиться с перегрузкой, возникшей в связи с необыкновенным наплывом поездов из Венгрии. Это чем-то напоминало прогулку по заповеднику: в озерцах плавали водяные птицы, большие деревья качались на ветру, в весенней траве тут и там виднелись цветочки. Отовсюду слышались звуки природы. Немцы и евреи из зондеркоманды были здесь отрезаны от

мира. Два-три раза в день прибывал транспорт, людей раздевали, начинали ими газовые камеры – две тысячи человек за раз, приезжала машина Красного Креста, из нее выходил немец и бросал внутрь банку с циклоном Б. Процесс умерщвления занимал двадцать пять минут. Когда стальную дверь открывали, внутри громоздились кучей скорченные грязные тела, а пол был покрыт испражнениями.

Рабы-евреи по-быстрому вычищали все внутри, освобождали помещение от мертвого груза, проверяли рты, срезали женские волосы (здесь мы видим разительное отличие от других концлагерей, где людей стригли до убийства), помещали тела в печи: толстую женщину к худому мужчине или женщину к ребенку и мужчине – главное, чтобы хватило жира для сжигания всей закладки. Такая жирная работа случалась по несколько раз за день, но большую часть суток – когда останки уже уничтожены, а следующий транспорт еще не прибыл – в лагере царила европейская идиллия, можно было перекусить и отдохнуть.

Куда бы мы ни пришли, дети везде пели гимн Израиля. В Треблинке, напротив мемориала, в Аушвице на платформе, у общих могил в лесах, в Бункере Анелевича на улице Мила. Завернутся во флаги и поют – и так всю поездку.

На одной экскурсии я осторожно спросил учительницу-организатора: может, стоит малость снизить градус? Исполняя гимн по два-три раза за день, по несколько десятков раз за неделю, в некотором роде обесцениваешь его.

Учительница посмотрела на меня с изумлением.

– Это их утешает, – сказала она. – Это наша победная песнь. Без него что нам остается? Лишь отчаяние. Мы не хотим, чтобы дети возвращались в Израиль с отчаянием в душе. Нам нужно вселить в них надежду.

Я решил не спорить. Мог бы, но зачем? Она была права.

Ненависти к немцам эти дети не испытывали, совсем никакой, даже близко не было. В истории, которую они для себя сочинили, убийц почти не существовало. Они пели печальные песни, заворачивались в израильские флаги и молились за души убитых, словно их гибель была predeterminedена свыше, – но никогда не направляли обвиняющий перст на исполнителей. Поляков дети ненавидели гораздо сильнее. Когда мы проходили по улицам городов и деревень, они при каждой встрече с местными бросали злые слова про погромы, про их сотрудничество с немцами, про антисемитизм. Но ненавидеть таких, как немцы, нам тяжело. Взгляните на их военные фотографии. Если посмотреть правде в глаза, выглядят немцы просто классно, в этих своих мундирах, на этих своих мотоциклах, невозмутимые, как модели на рекламных щитах. Арабов мы в жизни не простим за их вид, за их щетину, за их коричневые мешковатые штаны, за их некрашенные хибары, за их сточные канавы, за их детей с гноющимися глазами. А вот этот европейский облик, ясный, чистый, – ему хочется подражать. Это первое.

Второе – немцы намеренно старались совершать свои

убийства на польской земле, чтобы Германия оставалась красивой, чистой и опрятной. И преуспели. Вся мразь была выброшена на восток, на богом забытые свалки органических отходов, чтобы никакое зловоние не мешало прогрессу и культуре. Интеллигентные туристы могут посетить Дахау, или праздничные площади Нюрнберга, или Олимпийский стадион в Берлине, но настоящий незабываемый кровавый кошмар надо искать на востоке, где в дождливый день зоркий путник до сих пор может заметить торчащую из земли кость. В Шварцвальде, куда наши туристы ездят отдыхать семьями, земля осталась неоскверненной. Немцы специально так задумали. И, что тут скажешь? Задумка удалась.

Третье – это, конечно, большие деньги, которые они заплатили Государству Израиль, и другие поблажки, которые помогают забыть.

И последнее, то, что я осознал лишь со временем, – тайное восхищение душегубством, решительным, дерзким, безжалостным. Невероятным актом сосредоточенной, окончательной жестокости, после которой не остается уже ничего.

Пожалуйста, не подумайте, будто я ненавижу этих ребят. Я видел в них собственное отражение. Я приписывал им все, что было в голове у меня самого, что не давало мне покоя. Я пытался скрыть это за знаниями. В каждой группе находились дети с умным, чутким взглядом, и я старался обогатить их знания. Я рассказывал в микрофон о немецкой любви к зеленым просторам, открывавшимся нам из окна автобуса,

об их тоске по дням славы тевтонских рыцарей на Востоке и мечтах вернуться в города, которые они создали, снова стать нацией крестьян, воинов и здоровых, плодovitых матерей.

Большинство детей шумели и не обращали на меня внимания. Или пялились в айфоны, занятые перепиской и играми. Лишь немногие слушали.

– Присядьте, отдохните, – сказал мне однажды директор школы, увидев, как я напрягаюсь, и решив меня пожалеть. – Они уже узнали больше, чем стоило.

В соответствии с распорядком я должен был каждый вечер проводить с детьми задушевные беседы в гостинице, обсуждать непростые впечатления прошедшего дня. Школьники были измотаны и мечтали о свободном времени, сбежать с посиделок им мешали лишь страх перед учителями и серьезная тема беседы. Говорили в основном девочки – рассказывали, как им было грустно, а мальчишки молчали, уставившись в пол, и ждали, когда уже все закончится. Честно говоря, у меня не было на это сил. Я делал вид, что вникаю в их чувства, вдумчиво кивал головой, но на самом деле мечтал перебраться в темный уголок бара и там завершить свой день.

Я не верил тому, что ребята говорят на публичных обсуждениях. Мои уши ловили их тайные разговоры на задних рядах во время официальных церемоний, в автобусе, на тропинках, за столом во время завтраков и ужинов. Там высказывались мысли совсем иного толка – те, что легко перепар-

хивают из потаенных уголков сознания прямо в рот, про-
скальзывают между зубами, превращаясь в слова. *Ашкена-
зы*, — слышал я не раз и не два, — *это предки леваков*, не су-
мели защитить своих женщин и детей, сотрудничали с убий-
цами, это не мужики, не умеют отвечать ударом на удар, тру-
сят, червяки, дают арабам творить что хотят. Я слышал в их
голосах злорадство, слышал, как они говорят между собой,
что ашкеназы не были невинными жертвами, видно, не про-
сто так их убивали, смотрите, что они сделали с мизрахим¹,
таких змей никто не любит. Да, были и такие разговоры, гос-
подин председатель, у меня нет причин лгать. Необходимо
исследовать это явление. Я не стал искать научного объясне-
ния. Сам я ашкеназ только на четверть, лично мне обижаться
не на что. По их представлениям, я на три четверти мужик.
Но откуда это отвращение?

Только несколько лет спустя я осознал, что места, пропи-
танные ненавистью, лишь плодят ненависть. В какой-то по-
ездке в Биркенау один школьник, толстяк со злобным взгля-
дом и раскрасневшимися от холода щеками, начал выцара-
пывать на деревянной стене женского концлагеря: «Смерть
левакам». Бдительный учитель вмешался и не дал ему закон-
чить. А дружки принялись его утешать и сказали, что в Из-
раиле они завершат это дело вместе. Закутанные в государ-
ственные флаги, с кипами на головах, они ходили между ба-

¹ *Мизрахим* — условное название евреев, проживающих и проживавших в стра-
нах Ближнего Востока и Северной Африки, и выходцев из этих стран в Израиле.

раками, испытывая ненависть, но не к убийцам, а к жертвам. Осознать это было нелегко. В разговорах по душам ребятки помалкивали, но все же я разгадал их – целиком и полностью, до конца.

Тем временем карьера моя шла в гору. Я уже почти получил докторскую степень. У меня были хорошие рекомендации от директоров школ, я прекрасно ориентировался на территории концлагерей, был прилежным и верным служителем Памяти. Я постоянно разъезжал с группами и в Израиле почти не бывал. Руфь привыкла и, ожидая, пока дела окончательно наладятся, растила нашего сына в одиночку. Мы очень боялись скатиться в нищету, а поездки пополняли наш банковский счет.

Доказав свою компетентность в организации экскурсий для школьников, я с успехом выдержал экзамен на гида-сопровождающего для солдат и работников Министерства безопасности. Работалось с ними гораздо легче. Они являлись в военной форме, дисциплинированные, не мешали, моим объяснениям внимали молча. Подслушивать их разговоры было неинтересно. Я скучал по безобразной болтовне школьников. В красивой старой синагоге города Тыкоцина, евреи которого были расстреляны в близлежащем лесу, они надевали на головы береты и молились за благополучие Государства Израиль: *«Оплот Израиля и Избавитель его! Благослови Государство Израиль, начало избавления нашего. Храни*

Израиль по великому милосердию Твоему, прости над ним покров мира Твоего». Это было красиво, и мне тоже хотелось поклониться Ему, но там Бога не было, я в этом уверен, а если и был, то был он богом дерьмовым, дерьмовым отцом в Небесах, величайшим дерьмом, – со всеми вместе я про-износил: «Аминь».

У входа в Детский лес, на окраине города Тарнова, трубач военного оркестра играл перед тремя марширующими колоннами. Немцы расстреляли здесь десятки тысяч человек, по большей части евреев и нескольких польских интеллектуалов – и восемьсот маленьких детей из еврейского сиротского приюта. Я объяснял, как убивали здесь еще до создания лагерной системы. Убивали неаккуратно. Повсюду кровь, дергающиеся тела, ненужные свидетельства. Соприкосновение с жертвами чересчур непосредственное, расход боеприпасов чрезмерный – вот что заставило их построить концлагеря, в которых процесс уничтожения напоминал борьбу с вредными насекомыми или мышами, а для черной работы можно было использовать рабов-евреев. Трубач исполнил красивую и печальную мелодию, армейский кантор пропел «Эль мале рахамим», потом спели гимн, женщины-офицеры положили на землю плюшевых медвежат – детям.

Эти военные вовсе не ненавидели немцев. В их речах убийцы не имели ни облика, ни языка – будто свалились с небес. Мы здесь не ради мести, – неизменно повторяли офи-

церы в своих выступлениях перед безмолвными солдатами, стоящими по трое, в парадном обмундировании.

Если бы вы служили тогда в немецкой армии, скажем в пехоте, или занимались техобслуживанием самолетов, или распределяли личный состав, или сидели на станции радиоразведки, и ваша любимая родина пребывала в состоянии войны с врагами, что окружают ее со всех сторон, дезертировали бы вы из армии, если бы узнали, что где-то в далеком, богом забытом краю, на востоке, совершаются такие грязные дела? Скорее всего, нет. Я бы точно не дезертировал.

Однажды, в Биркенау, в особенно жаркий летний день, после того, как я провел несколько экскурсий для военных, слишком долго пробыл на солнце и слишком мало пил, перед глазами у меня замелькали огоньки. Я стоял перед солдатами у бетонных развалин газовой камеры, и вопросы, роящиеся в моей голове, выплеснулись наружу.

– Кто бы из вас дезертировал? – выпалил я.

Ни одной руки не поднялось. Лица у всех были растерянные. Симпатичные младшие офицерики стали переглядываться – *о чем это он?*

И тут я не смог сдержаться и задал им еще один вопрос:

– Если бы вы узнали, что в одно прекрасное утро проснетесь и обнаружите, что ваши извечные ненавистные враги исчезли с лица земли, при том что ваши руки не обагрились кровью и ваши глаза не увидели ни единого трупа, кто бы из вас об этом пожалел?

Ни единой руки не поднялось.

Полковник – руководитель группы, подошел ко мне и прошептал на ухо:

– Они не поняли вашего вопроса. Вы сбиваете их с толку. То, что вы делаете, недопустимо.

Концлагерь закружился вокруг меня – верхушки деревьев, бараки, бетон. *Что я делаю... Что я делаю...* Я не хотел заводить солдат в этот лабиринт кошмаров. Он был предназначен для меня одного.

После ужина в гостинице, во время вечерней беседы, я попросил прощения за свои слова, сказал, что перегрелся на солнце, что меня одолели чувства, что у меня много нерешенных внутренних проблем. «Я слабый человек», – сказал я им. Я искренне в это верил. Мне хотелось их успокоить, я до смерти боялся остаться без них. Я так каялся, что старший офицер подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал: «Ладно, проехали». Насколько я знаю, об этом инциденте он не сообщил.

Вы наверняка помните, что, как только я получил звание доктора наук, вы вызвали меня к себе, в ваш уютный кабинет в каменном здании. Вы сказали, что прочли мою диссертацию и впечатлены точностью приведенных данных, а также тем, что мне удалось избежать ловушки сентиментальности и пойти весьма интересным путем, рассмотрев процесс Холокоста с практической стороны. Вы сказали, что с удовольствием опубликуете мое исследование в виде книги. Разу-

меется, потребуется некоторая редактура, чтобы адаптировать материал для широкой аудитории. Я сидел перед вами, гордый и благодарный. Беседовали мы долго. Вы захотели узнать мое мнение по некоторым вопросам, сказали, что вам нужна свежая кровь, что есть много тем, ожидающих подходящего человека, но, к сожалению, свободных вакансий не хватает и вы не можете предложить мне полную ставку, но будете рады регулярно привлекать меня к различным проектам, потому что ищете именно такого человека, как я, способного к глубокому анализу и отлично владеющего темой.

Вышел я от вас окрыленный. Уже на следующий день мне надо было лететь с группой в Польшу, но я успел заскочить домой и вместе с Руфью забрать Идо из детского сада. Мы посидели в кафе. Я помню каждую минуту этого дня. Руфь сказала: «В жизни не видела тебя таким счастливым!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.